

- Теперь дети не играют в динозавров.

Это говорила Ольга Сергеевна; может быть, она чуть-чуть ностальгировала по своему детству (хотя Сашку не казалось, что такая женщина, как Ольга Сергеевна, в детстве играла бы в динозавров), но вообще она думала поддержать самого Сашка. Тем способом, которым умела. Он нифига не помогал выйти из уныния, но, по крайней мере, Сашок был благодарен воспитательнице, что ей не всё равно.

Может, она и права, конечно. В кино прошлого у детей было три интереса: футбол, динозавры и видеоигры (ещё регби, но на русскую почву это переносилось плохо). В плохих фильмах ещё НЛО и пираты. В футбол сейчас гоняло мало, и с этими пацанами Сашок не водился, видеоигры – ну, в детдоме были какие-то, но мало, да и выстой ты к ним очередь, а динозавры... динозавры были приколом только конкретно Сашка.

Наследственное, конечно. Раньше для этого не нужно было никакого оправдания, сейчас – Сашок вмазался в динозавров потому что папа археолог. Звучит странно, отец вообще в палеонтологию не уходил, в Татарстане курганы копал, но просто даже в том слое, который они брали (палеолитический), нет-нет да что-то находилось. И вот это пёрло Сашка намного больше, чем всякие резные косточки и обтёсанные до идеальной формы камни. Уже при нём, когда Сашок с мамой как волонтёры на палеонтологические копки отправились (она-то только ради него, потому что Сашку было интересно), при них почти целиком скелет собрали. Тогда руководящий экспедицией ещё сказал, что Сашок приносит удачу.

Было бы здорово, если бы так.

Потому что в ближайшие лет десять никаких раскопок Сашку не видать, а среди ровесников в детдоме никто не увлекался ни наукой, ни хотя бы динозаврами.

Это не то чтобы было плохо, Сашка не гнобили. Он хорошо общался со всеми, и даже старшаки пару раз предлагали сигарету (Сашок отказывался). В церкви чуть больше, чем с остальными, потому что ещё до той бомбёжки Сашок ходил в воскресную школу, и его просто уже знали. Смешно, но это было единственное место, где ровного и чиллового Сашка пытались травить: манерная девочка Ксюша, гордящаяся своей святой, Ксенией Петербургской, распекала его, что вот, он в церковь только на праздники ходит, поест, а она-то!..

Грешно так говорить, но Сашку было слегка приятно, когда Ксюша заткнулась и стояла в хоре тихо-тихо. Не стоило ради этого терять бабушку и собаку, но – пути Господни неисповедимы.

Ему пришлось... несколько хуже.

Да и динозавров всё ещё ни с кем не обсудишь. Не с Ксенией же.

Вообще, может быть, всё было не так уж плохо. Сашка пыталось вытащить научное сообщество. Научрук папиного университета бросил клич, и появились люди, готовые Сашку принять к себе. Пока с этим возникали проблемы, но Ольга Сергеевна снова пыталась успокоить и обрадовать мальчика, сказав, что это вопрос времени. А ещё ему, персонально ему передавали всякие книжки и сувенирчики. Приятно, но надо было ныкать; у детей длинные руки, а ещё логично было бы обидеться на мальчика, на которого внешний мир обращает внимание.

Всё равно радости в этом было мало.

Его приводили в пример другим детям как символ душевной стойкости и христианского смирения, и вот это уже бесило самого Сашка. Его мало что

бесило, а вот это – со стопроцентным попаданием. Мало того, что в принципе неудобно и неприятно, так ещё и батюшка не понимал, о чём говорит: ну вот он толкает Сашка, которому и так хреново, вперёд, а рядом – сестра и брат из Донбасса, у которых деревню целиком выжгло. Пацан до сих пор при звуках хлопушек писается, не рыдает даже, а просто, сразу. Чего, им в пример какого-то чела приводит?

А ещё Сашок билеты на ёлку потерял. Ему доверили, а он...

Ну ёлки-палки, ну что такое.

Пока об этом никто не знал, Сашок предпринял решение, которое по правильности стояло только на втором месте. На первом – сообщить Зере Хабибовне о пропаже, но это – только если не сработает второй вариант. Потому что страшно, да. Неприятно, что страшно, но Сашок успокаивал себя тем, что сначала надо решить проблему своими силами, а уж потом, когда поймёшь, что несамостоятелен, обращаться за помощью.

Вопрос, где.

Комнату – первой проверил; нет, не тут. Ну то есть, может, Ярик стащил, но Сашок в Ярике уверен, Ярик не сволочной, просто не сдержанный. Да он и идёт на ёлку, что, зачем ему? Самого себя подарка лишать? Глупо как-то. А в своих вещах (малочисленных) Сашок не нашёл.

В церковь сбегал. Нет, ничего. Батюшка Илия раза три спросил, что тут Сашок потерял – струсил, не ответил. Хотя наверняка всё по нему видно.

Раздевалка. Вот не дай Бог там, свистнут как нефиг делать. Не из-за корысти даже, а просто по фану. Ребята даже нормальные, но просто – когда с детства привыкаешь, отучаться потом ад, особенно если не очень хочешь. Не нашёл в любом случае.

Столовая.

Зал концертный.

Блин, где?..

Сашок, в общем, собрался с силами говорить даже не Зере Хабибовне, а просто кому-то из рабочих (да хоть бы уборщице, вдруг видела), потому что они могут помочь тайком, а не бежать ябедничать, но вдруг...

Хотя – было ли это вдруг? Сашок вообще не молился, когда сам бакланил. А чего, Бога просить, чтобы он твой косяк исправил? Ну, так оно не работает, Бог не разнорабочий. Он может тебя пожалеть, простить, но всё же если фигню сделал – выкручивайся сам. Так вообще его отец приучил: он не ругал никогда, но просто говорил: «Сань, я потом помогу, но подумай, что ты можешь сделать». И Сашок придумывал обычно. Не всегда, но потом получать помощь было... немного стыдно, но не сильно. И не потому что разочаровывались – не, папа подчёркивал, что не разочаровывался, просто... На него ж понадеялись, а он вот, так.

Но сейчас... Сейчас Сашок даже расплакался чутка. Ну, так, слёзы четыре пошли и носом зашмыгал. Больше слёз скрывать сложно, а эти смахнул – и как будто не было ничего.

Но сейчас он один, и хоть четыре позволить можно.

- Господи Боже, помоги, пожалуйста, помоги...

Сашок не раз слышал, как молятся другие дети. Неприятно себя превозносить, но просто ему лично не нравился такой подход: ты мне помоги, а я всю Библию прочту. Ну так не делается же. Он, кстати, всю и не прочёл: начинал и

ломался на Левите. Мама составила ему гайд, какие места пропускать, но Сашок последовательный и принципиальный: читать надо ВСЁ. А всё не получалось.

Ну, что теперь. Может, как раз за это и наказал. По мелочи, могло быть хуже, а всё равно неприятно.

Но всё же... Он дал ему помощь. Просто очень, очень странную.

Из-за кровати Ярика раздалось нечто вроде пыхтения, чириканья и клёкота; поразительный звук, который ни одно известное Сашку существо не издаёт. Он и подорвался на месте от внезапного испуга; первой мыслью были даже не призраки и прочее противоестественное, а, скорее, сам Ярик, который зачем-то притаился под кроватью и решил напугать Сашку в самый уязвимый для него момент.

Но нет, это был не Ярик. Ярик так не двигается.

Вообще кто так двигается, какое животное? Кровать, лёгкая, металлическая, чуть не опрокинулась; сквозь лязг слышался стук и скрежет. Стук как при ходьбе, но только очень маленькой стопой в деревянной ботинке, а скрежет... скрежет коготками.

Нет, это животное. Или какая-то тварь. Но, наверное, хорошо, что не человек? Или нет?

Сашок отполз назад, готовый вскочить на ноги и побежать (но не сообразил, что, чтобы встать, ему потребуется время, которого может и не быть). Вновь послышался клёкот, и из-за кровати выполз...

Нет. Не может быть.

Сашок тупо смотрел на птеродактиля, птеродактиль – на него. Между ними – где-то метра полтора, сверху плоский диск люстры, по бокам – кровати.

Птеродактиль... совсем не реалистичный. Конечно, о любом из них можно говорить лишь предположительно, даже в научной среде есть расхождения об их обликах, но такие птеродактили никогда не были размером с человека. Максимум с сокола, они же мелкие совсем. Были и крупные птерозавры, но – Сашок хорошо запомнил устройство черепа того птеродактиля, которого с огромными неточностями перерисовывают из книжки в книжку, из фильма в фильм – те маленькие были! А этот – заметно крупнее Сашка, размах крыльев метра четыре, не меньше. Сейчас они сложены и кажутся поменьше, но всё равно...

У него были белые, покрытые перьевыми волокнами, шея и голова; последнюю венчал красный гребень. Под клювом-челюстью (точно ли можно считать клювом эту удлинённую морду? Она же ведь не роговая, это тоже кость, обтянутая кожей с протоперьями) болтался коралл как у индюка – вот эти бугристые складки кожи, тоже тёмно-красного цвета. Вокруг жёлтого глаза – синий пигмент.

Лол, как флаг России выглядит. Но ярче, пронзительнее цвета... да и тело в основном бело-зелёное.

В зубах... в челюстях... в клюве... в общем, во рту у птеродактиля торчали бумажки. Сашок, впрочем, сразу догадался, что это билеты. Толстая на самом деле пачка, но билеты сами были маленькие и тонкие, так что каждую полосу можно было отдельно оторвать и проштамповать.

Птеродактиль заклокотал и двинулся к Сашку. Тот отполз. Зоб динозавра набухал, но не в гневе, как у тетеревов; просто, кажется, он очень активно сейчас дышал приоткрытым ртом.

Ладно. Кажется, он не пытается его убить. И – у него билеты. Конечно, Сашок может оправдаться тем, что не мог отнять их у огромного динозавра – и, если они вступят в схватку, это будет истинно так, но это вообще не то, о чём стоит говорить воспитательке.

Сашок придвинулся поближе. Птеродактиль тоже.

Странное дело, у него вокруг головы словно что-то блестело. Сам воздух дрожал, искажался, как когда смотришь на мир в жаркую погоду напротив автострады, и переливался лёгкими золотыми полосами и блёстками. Интересно, Сашок никогда не читал о том, что динозавры светятся...

Впрочем, это явно не реальный динозавр. Значит, он может сделать всё, что угодно.

Наконец они оказались достаточно близко для того, чтобы Сашок аккуратно взялся за край стопки, а птеродактиль разжал клюв и билеты оказались в руках Сашка. Чистые, невредимые, без всякой слюны. Интересно, есть ли вообще слюна у рептилий? Птеродактили – это птерозавры, конечно, а у птиц слюна есть, но...

Они сидели друг напротив друга. Сашок уже не боялся, но прифигел, конечно, знатно. А взгляд у птеродактиля был... ну, как у птеродактиля. Только очень внимательный. Что он там думает у себя – и вообще, способна ли обрабатывать мысли такая маленькая голова, одному Богу известно.

Но он шершавый на ощупь. Странно, вроде кожаный, а всё равно шершавый. Вероятно, дело в покровных волокнах: они как бы ещё не совсем перья, больше похожи на шерсть, но не мягкие – ну и вообще, динозавры не мохнатые, шерсть – это для млекопитающих. Что же это такое, неясно.

Но приятно.

Птеродактиль не заурчал, а как-то гортанно зачирикал. Возможно, у него это заменяет урчание; хотя вот кукабарры умеют урчать... Но у них какой голосовой диапазон.

Интересно, а динозавры умели воспроизводить разные звуки? И какие? Они как лирохвосты или, скорее, как вороны?

Проверить это Сашок не успел. Раздались шаги за дверью; она раскрылась, а Сашок обнаружил себя просто сидящим на полу с билетами. Никакого птеродактиля рядом нет, но и он, слава Богу, не сидит в глупой позе с занесённой рукой. Видимо, Бог бережёт, не давая глюкам так уж сильно влиять на его жизнь.

В дверях стоял Ярик.

- Ну чё, мы едем или...

Он замер. Сашок сначала тупил секунды две, а потом всё понял.

Ярик аж побелел при виде Сашка с билетами, и от этого стало ужасно гадко и неприятно. Он же не думал так про Ярика. Он же вообще-то нормальный парень. Ну зачем...

- Яр...

Ярик бросил непечатное слово и хлопнул дверью. Чуть посидев, Сашок поднялся. Ехать уже вообще никуда не хотелось, но было бы неправильно обламывать всех остальных. Они-то не виноваты в том, что кто-то кого-то по-маленькому предал. Наоборот, хорошо бы отвлечься...

Вот только не получится.

Птеродактиль не забылся, но новые переживания заставили сильно померкнуть офигение и восторг от встречи с самым настоящим динозавром. Хоть бы и вымышленным.

Ёлка, конечно, абсолютно беспонтовая даже для пятилеток; артисты вроде заинтересованные, но их представления о том, что интересно детям, застряло на уровне девяностых годов прошлого века – а тогда только-только родители Сашка появились на свет. И то, им это тоже страшно не нравилось. Артистка в костюме вороны шла на контакт, интонации от ребёнка к ребёнку менялись, но всё равно – оставалось ощущение, будто дети для них неразличимая масса страдальцев, которым может быть и девять, и три. Подход к подросткам, конечно, менялся, но не то чтобы сильно.

Спасибо, конечно, что хотят помочь. Это здорово.

Но это не помощь.

Стыдно так говорить, но Сашку не нравились эти массовые развлечения, которые устраивали для их приюта. Хорошо выбираться в театр, он видел даже пару классных постановок, но для этого надо автобус собрать, ехать куда-то, где не бомбят... А сюда приезжали рискованные – ну и не самые талантливые. Показывали мультфильмы, слепленные на коленке специально для них; все – полная ерунда. В кино водили – не на то, что обрадует, а на патриотичное.

Нехорошо так думать, конечно, ведь правда же помочь хотят. Сашок вон в театре в жизни столько не бывал, как тут, родители не очень любили.

Но это погрешность, отвлекающая от правды. Это не попытка прожить вместе горе и дать надежду. Они не дают надежду; они закрывают реальность синтетическим занавесом и показывают всё то, что нравится им, но не конкретно Сашку, Ксюше, Ярику или кому-то из коротышек помладше.

Он, конечно, так не говорил. Невежливо. Ну и правда стараются.

Тем более предательство Ярика не могло затмить ни представление с очередным Дедом Морозом, «Жила-была», «сундучок упал, и все сказки перепутались», ни подарок с Чебурашкой в военной форме (выбросить бы, да нельзя: у Сашка теперь страх перед любыми военными, хоть бы даже и нашими; они-то хорошие, но война – зло, любая война), ни внезапно серьёзный взгляд актёра-клоуна, неловкое похлопывание по спине и робкая фраза: «Ну давай, держись». Спасибо, конечно, Сашок пытается, но – а как тут. Он же не влезет к нему в голову, не утешит, не объяснит, зачем друг это сделал.

Друг?.. Нет, у Сашка тут нет друзей. Там были, здесь нет.

Ярик пытался соскочить и не идти никуда, но – с Зерой Хабибовной попробуй куда-нибудь не пойти. Она даже не то чтобы строгая, не орёт, нет, просто опции не участвовать в коллективных мероприятиях не предполагается по умолчанию. И ты её не переспоришь, нет настолько упорного ребёнка, чтобы перед ним спасовала Зера Хабибовна.

Хотя, честно говоря, видеть Ярика и сам Сашок не хотел.

Он бы не наядбедничал на него даже если бы прямо спросили, мол, Саш, а ты чего задержался; но никто не спросил и вряд ли стал бы – Сашок решил проверить наличие билетов чуть заранее, чтобы потом не бегать с намыленной мордой. Как оказалось, был стопроцентно прав.

Их периодически подпихивали (по чистой случайности) друг к другу поближе, однако и Ярик, и Сашок дистанцировались. Неизвестно, старался ли Ярик не думать о том, что с ними будет вечером, когда они спать лягут – Сашок вон старался.

К тому же... ему было о чём подумать и без этого.

На обед их отвезли в столовую; дорога к ней пролежала мимо неопрятных одноэтажных зданий, которые, по-видимому, раньше предназначались под склады, позже оказались захапанными мелкими предприятиями, от шаурмачной до продажи автозапчастей, а теперь, после бомбёжек, там не было ничего. Торчал только чудом не спалённый, лишь слегка покоричневевший, транспарант с ужасно нарисованными динозаврами и подписью DINOWORLD. Что там было? Какой-нибудь тир? Ужасающий парк развлечений из двух сломанных качелей? Игровые автоматы? Да чёрт их знает.

Жёлто-сероватый птеродактиль щерил некрасивую пасть с пеньками зубов, и Сашок нервно выдохнул.

...что всё-таки сегодня с ним было? Глюк какой-то? Так глюки такими полезными не бывают, от них ты не находишь потерянные (тем более украденные!) вещи. Фигню какую-нибудь придумать можно, но вот, Сашок не придумал. Зато билеты нашёл.

Ерунда какая-то. Но если он не начал галлюцинировать на старости лет, то что это было?

...компот ужасно невкусный.

Они вернулись не очень поздно, до ужина; но, из радостного, никаких занятий на этот день больше не планировалось. Впрочем, разбитое в пух и прах настроение Сашка падало ещё ниже, стоило только задуматься о том, как он проведёт эти четыре часа ничейного времени: идей не было, а пережитое сегодня никаких вариантов не подкидывало.

Ярик по приходу сразу пришёл спать, а двое других пацанов от усталости уткнулись в телефоны и смотрели какого-то стримера (но тихо, чтобы не мешать Ярику). Стримера смотреть Сашку не хотелось, а куда деваться – неясно.

Книгу почитать? Какую? Да и сможет ли? Тиктоки в плане побега от реальности срабатывают куда лучше. Но конкретно сейчас не хотелось.

Впрочем, были книжки, которые восстанавливали душевное здоровье; Сашку нравился Хэрриот, нравился «Перси Джексон»... а ещё была подаренная родителями «Необычная жизнь динозавров».

Точно ли она нужна сейчас? Она часто помогала, но часто совсем наоборот: воспоминания подступали, и как-то становилось муторно и совсем нехорошо. И даже не от обсуждения отдельных фактов, маленьких кадров внутри сашкиной памяти и отпечатков того, чего уже нет, а от даты на выходных данных.

Её купили по предзаказу, сразу как заявили о переводе и издании.

2024 год.

Чуть позже папы и мамы не стало.

Они вообще дарили Сашку книги, не так часто, как можно было бы ожидать от семьи учёных, но не редко. И дело не в аддикции на динозаврах – «Джексона», например, папа также вручил. И «Изгоняющего дьявола». И другие комиксы.

Просто... ну вот так совпало, да.

Где-то минуту Сашок залипал на страницу с мемным птеродактилем, а потом в голове что-то щёлкнуло.

Он встал, накинул кофту, сказал «ща, пацаны, скоро буду», чтобы те успокоили Ольгу Сергеевну, если вдруг опоздает на ужин, и помчался в церковь. В

это время детей уже не выпускали с территории, но, к счастью, на КПП сидела хорошая охранница; она Сашка любила и повелась на то, что он опоздал на сбор на воскресную службу. Он умолчал, что в списках его не было из-за ёлки, и, в качестве компенсации, ему следовало прийти на исповедь в следующий раз, но какая разница: охранница была так себе верующей и в особенностях богослужений не разбиралась.

Самое главное было в конце присоединиться к группе... ну или попросить отца Илию сопроводить обратно.

Служба уже закончилась, но никто ещё не разбрёлся по домам. Население в городе было маленьким, всяко не московским, и Сашок легко перехватил батюшку – длинного, длиннорылого, длиннорукого, длинноносого, и даже ресницы казались длинными.

- Здравствуй, Саша! – Отец всегда ласково относился к сиротам и никогда в разговорах не звучал уставшим или раздражённым (а вот в общении с бабушками нет-нет да прорывалось). – Что случилось?

- Можно поговорить? Быстро. Чуть-чуть.

- Ты же помнишь? Исповедь во вторник будет...

- Мне быстро надо, честно.

До Сашка потом дошло, что он вообще-то мог просто позвонить, ну или написать: мессенджеры у батюшки были открыты – по крайней мере, для детей. Однако, к счастью, по отношению к нему отец Илия отличался особенной уступчивостью – даже сейчас, когда дома его ждала собственная семья.

- Ладно. В исповедальню?

- Не, я тут... Я спросить хотел: вот кто покровитель палеонтологии?

Отец Илия заморгал, и Сашок моментально почувствовал себя стыдно.

- В каком смысле?

- Ну, у разных наук свой святой есть, у разных профессий. А у палеонтологов?

- Я не знаю, Саш, – наконец, после раздумий, ответил батюшка. – Может быть, в католичестве есть, но в православии я об этом не слышал. У нас вообще, Сашенька, подход святых персональнее...

- Но у моряков есть, я знаю. У актёров.

- Если тебе интересно, то святой равноапостольный Кирилл, тот самый, брат Мефодия, покровительствует учёным вообще. Но это касается в основном гуманитарных наук. Ты задал большой, интересный богословский вопрос. У католиков есть такой святой, Фома Аквинский, он тоже покровительствует учёным, но больше в той сфере, что тебя интересует.

- Но почему их нет?..

- Видишь ли, Сашенька, это ведь очень молодая наука. Как любая молодая наука она скована в плену дарвинизма. Есть разные подходы к естественным дисциплинам, но очень многие из них пропущены потому, что они отрицают Божий замысел и никак не могут примириться с идеей Творца. Да, раньше и святые отцы многие заблуждались, не считая динозавров Его творениями, однако в Библии есть о них упоминания – просто не теми словами, что использовал ты. Помнишь, наверное, «из корня змеиного выйдет аспид, и плодом его будет летучий дракон...»

- Так там не только летучие были.

- Это уже мелочи, в Бытии есть и другие стихи. Я просто к чему это говорю: палеонтология – замечательная, нужная, важная наука, но, пока она находится в плену атеизма, она вряд ли найдёт общий язык со Священным Писанием, хотя

другие течения замечательно к нему адаптировались. В том числе физика, химия... Я вот что бы тебе посоветовал: почитай всех святых. Власий Севостийский, Косма и Демиан благосклонны к ветеринарам – а ведь палеонтологи занимаются похожим: восстанавливают из костей то, что было ведомо одним лишь Богом, и возвращают всем этим несчастным погибшим тварям их естественный вид. Серёженька Радонежский добр к учителям и преподавателям. Матрона Московская, Николай Чудотворец... Все они никогда не были против науки: это наука выступает против них, к сожалению. Не злился на это и просто молился, как если бы это были родные тебе люди. Понял, Сашенька?

Сашок понял, но эти объяснения ему категорически не понравились. Он чувствовал, что слова про отвержение веры наукой было лукавством, и это соперничество было вполне обоюдным; к тому что Сашок сомневался, что у отца Илии, при всём его замечательном образовании, присутствовало хотя бы базовое представление о динозаврах – таксономии, различиях, новых открытиях... да хотя бы есть ли маховые крылья у рапторов или нет. При этом вера Сашка не пошатнулась, он не начал чувствовать, что божественный замысел более странная идея, чем ему представлялась (хотя папа бы с этим поспорил)...

Но, честно говоря, когда ты буквально сегодня общался с птеродактилем, слышать о том, что палеонтологи неправы, как-то уж слишком.

Ну, будем надеяться, что Серафим Саровский, который почему-то особенно нравился Сашку (вероятно, за доброе лицо и медведя), будет милосерден к нему.

Второй раз птеродактиль появился уже после Нового года.

Для церкви, в которой прежде проводились службы, нашёлся щедрый меценат, и теперь она закрылась на ремонт. Сашок слышал беспокойство пономаря, что не получится восстановить фрески на стенах, но, честно говоря, они не были такими уж красивыми, чтобы за них переживать.

Впрочем, даже у него надежда и гордость за добрых людей сочеталась с грустью от разлуки с любимым местом и страхом за то, что тихая, волшебная атмосфера пропадёт вместе с обугленными после взрыва на крыше стенами.

Другая церковь выглядела неприятно роскошной; неприятно – и потому что это было явно место в духе «богатый Господь для богатых господ» (золото, люстра огромная, обилие пошлой настенной живописи, ещё больше золота, лавка размером с половину предыдущей церкви), и ещё потому, что на неё, казалось, вообще не влиял окружающий пейзаж, где, конечно, были нормальные, не пострадавшие дома... но были и другие. А, возможно, Сашок с недавних пор ненавидел перемены и цеплялся за всё, что могло подарить ему хоть какой-то намёк на стабильность и постоянство.

Глупый. Нельзя сейчас за это цепляться. Ничего стабильного не будет.

Он, правда, прилежно участвовал в хоре, ходил на богослужения, а тем более сегодня, когда Рождество Христово: они-то заняты были целый день. Он с самого начала опять не задался: Ксюшу внезапно что-то поломало, и ей пришлось остаться дома, хотя она солировала. Бедная просто неостановимо рыдала и рыдала, рыдала и рыдала. Другие раздражались: у всех одна и та же беда, она ничуть не лучше остальных, но Сашок, замкнутый внутри на все пуговицы, всё же не мог сердиться на ту, кто... да. Не так-то просто она задаётся, на самом-то деле. Чем больше ведёшь себя плохо, тем больше у тебя внутри; если не будешь в это верить, а вообразишь себе каких-то очевидных врагов (как делали все остальные), то можно чокнуться совсем.

Хотелось сохранять что-то человеческое. По мере сил.

В итоге служба прервалась: какая-то женщина начала рожать. Паника, беспокойство, упорные (и упоротые) бабушки требовали вывести несчастную, чтобы служба продолжилась, а детей быстренько распустили, но теперь им следовало ждать автобус, потому что тот уехал в приют, и теперь когда приедет, тогда приедет. А позади крики, толпа, «скорую скорую», вот это всё. Акушеров и врачей среди собравшихся почему-то не оказалось; ну, видимо, получается далеко не всегда как в кино, и с этим следовало только смириться.

Сашок немного отбился от группы потому что не хотел стоять среди возбуждённых и паникующих людей... а ещё потому что паниковал сам, и следовало хоть как-то отвлечься. Он стоял и рассматривал вертеп – более дорогой и роскошной, чем стоял у них: фигурки покрыты лаком, никакой кустарности, явно сделано на заказ. Но вертепы Сашок всё равно любил, и поэтому... а чем ещё заняться?

Красиво же.

Отвлёк его уже знакомый клёкот: да, слышал всего один раз, но это тот случай, когда одного раза вполне хватает. Сашок заозирался по сторонам; а потом понял, что надо смотреть не по сторонам, а вверх, поднял голову, и...

Да, оно. Тот самый.

Размах крыльев огромный; на секунду выглянуло солнце, ослепив глаза Сашка нимбом вокруг продолговатой головы, и отбросив треугольную тень, покрывавшую несколько метров асфальта (правда, уменьшившись к тому моменту, как птеродактиль подлетел к земле). В глупых пустых глазах твари всё равно не читалось никакого выражения, однако сама его пластика, сами его движения говорили о том, что ему что-то надо было от Сашка. Птеродактиль приземлился на асфальтах, сделал пару ползков на крыльях, повернул голову и заклекотал.

- Тебе чего надо? – Сашок на мгновение испугался, что его голос звучит грубовато: ему не хотелось хамить этой штуке... этому существу – кто знает, насколько оно могущественное. Ну и просто невежливо как-то. Но сейчас он испуган, причём сильнее, чем первый раз.

Интересно, хоть кто-нибудь его заметил? Кроме Сашка? Ну пожалуйста!

Птеродактиль повернулся в обратную сторону, разве что бросив взгляд на Сашка поверх кожного костистого плеча. Ага, значит, он зовёт с собой.

Нет, наверное, не видят. Люди совсем неподалёку, а этот птероящер огромный, его не пропустишь. Да видео с ним уже сейчас должны грузить в сеть! Тут, конечно, мобильного интернета как не было, так и нет... но всё же – у многих как-то получается.

- Ладно, ладно, – неуверенно заговорил Сашок. Он не был уверен, что надо поддаваться галлюцинациям (или искусу; впрочем, странный искус, если это вообще он), но сейчас не видел альтернатив. Просто стоять на месте и притворяться, что ничего не происходит? До каких времён? Как надолго его хватит?

Нет, лучше уж разобраться сейчас... чем когда-нибудь потом.

Ящер взлетел, но не слишком высоко, чтобы Сашок не терял его из виду. Сашок нервно поглядывал в сторону группы, где, видимо, его пока ещё не хватились; насколько разумно от них так далеко уходить? Вообще неразумно, но, раз уж начал...

Ладно. Дорогу он запомнит. Точно вернётся назад.

Тем более идти пришлось недолго: птеродактиль завёл его на пустырь, засыпанный снегом. Вокруг – автомастерские (три штуки), частные секторы, чуть подальше – дорога к площади. Тут когда-то завод планировали строить... но это ещё до рождения Сашка, когда было-то. Сейчас, понятное дело, ни о каких заводах речи не шло.

Птеродактиль приземлился на землю и проковылял некоторое расстояние, пока не привёл Сашка к огромному гнезду.

Это... странно. Во-первых, птеродактили гнездились на утёсах и других возвышенностях – именно потому что летали, а их конечности не приспособлены к передвижению по земле. Во-вторых, что самое важное, это зима. Птеродактиль вообще должен вымереть: они же ящеры, они хладнокровные. Он, конечно, расчистил пространство от сугробов, вытоптал до сухой травы, но всё равно: как он будет греть яйца?..

А. А-а-а.

- Ты погреть, что ли, хочешь? – недоверчиво спросил Сашок. Тут птеродактиль в России посреди зимы в 2026-ом году, неужели он не понимает человеческой речи? Да должен...

Ну и понял. Кивнул даже. То есть жесты человеческие ему понятны.

Ну... ладно... что уж...

Сашок не умел греть яйца, но что у него было, так это хороший, пожертвованный друзьями родителей пуховичок. Минус тут не очень серьёзный... замёрзнет, конечно, но у него-то из последствий простуда (ну, грипп: Сашок им никогда не болел и не считал чем-то значительным), а вот у этих малышей все шансы не родиться.

К обогреву яиц, которые оказались не такими крупными, как следовало бы ожидать от такого гиганта, Сашок подошёл основательно: три сгруппировал и накрыл шапкой, для двух оставшихся снял варежки и натянул поверх. Хороший вопрос, услышат ли они треск скорлупы и не задохнутся ли малыши в шерсти, но это можно было бы решить постепенно: пока же главное – обогрев. А поверх накрыл пуховиком, постаравшись сделать так, чтобы у яиц ещё получился тёплый поддон из рукавов. Получилось так себе, но он хотя бы постарался.

Оставшись один, полуголый (в тёплом свитере, но при минус восьми этого явно недостаточно), Сашок посмотрел на птеродактиля, а тот воззрился на него в ответ.

Всё же красивый зверь, этот птерозавр. Протоперья жиденькие, но осязаемые: у него явно нет жировой подкладки или пуха, он сам должен чудовищно мёрзнуть по такой погоде. Вообще, разве летающие ящеры не мигрировали? Сашок не очень хорошо был знаком с теорией, но ему казалось, что они-то как раз и заложили миграционное поведение у птиц. Этот-то тут чего забыл?

Впрочем, это птерозавр в 2026 году. Здесь вообще никаких вопросов быть не должно.

Ему не пришлось ждать часы или сутки. Первое яйцо треснула минут через десять после того, как Сашок разделся.

Он, конечно, убедился, что заболевает, уже начав кашлять. Но – под курткой раздался скрежет и нечто вроде птичьего клёкота. Куртка затем трещала, и Сашок, испугавшись, что её раздербанят, поспешно убрал.

Птерозаврики уже родились с пухом. Впрочем, тот покрывал их тела лишь частично, оставляя уродливую голую кожу. Как говорилось в одном меме, птенцы

бывают двух типов: милые (как утятки), жуткие (как все остальные). Эти были жуткие... но всё равно милыми. В какой-то степени.

У них уже были длинные морды, отчасти напоминающие клювы, зубки внутри, а ещё когти, но пока не было гребешков. Так что куртку они изодрали вплоть до набивки – а вот шапка оказалась более стойкой, всего-то две продольные дыры. Сашок поспешно схватил их и стал одеваться; обтереться бы ему водкой или компресс положить... но ни того ни другого пока нет.

Птеродактиль заботливо склонился к птенцам; оставалось всего одно неразбитое яйцо, с которого соскочила варежка – и, судя по всему, трескаться оно не планировало.

Родитель маленьких ящеро-птенцов (в биологическом поле динозавров Сашок разбираться пока не умел) взял яйцо в клюв и повернулся к Сашку. Понять, что он хочет, не составляло ни малейшего труда: отогреть, конечно. Взять в руки. Положить за пазуху.

Ну... ладно.

За пазуху как раз Сашок яйцо и положил. Тёплое, хотя зима; оно, это тепло, шло изнутри, немного пульсируя. Обжигать не обжигало, но стоять с ним, засунув под свитер и драную куртку, было даже классно.

Может, руками ещё растереть? Или лучше не надо, и под пальцами треснет скорлупа? Поди пойми с этими яйцами, с курами Сашок не имел дела примерно никогда.

Последний птенец дал о себе знать сначала треском, потом неприятными глубокими царапинами, пока Сашок с лёгким чертыханием вытаскивал его из-за шивороты (ничего, потом исповедуеться). Свитер он разодрал несильно: в основном досталось футболке, но и то – пара дырочек всего. Заштопает, Сашок умеет.

Насколько же динозавры похожи на птенцов, очуметь. Это всё ещё ящерицы, и клюв не клюв, а удлинённая мордочка с зубами внутри (пока ещё гибкими, эластичными, затвердеют они потом), но – пернатые, взлохмаченные, мокрые, похожие на жалких уродцев из птичьих гнёзд. И пищат похоже, разве что звук чуть более горловой.

Птеродактилиевый младенец не стал прижиматься к груди или делать чего-то подобное; он, наоборот, лез из рук, упираясь когтистыми лапками с тоненькими просвечивающими крыльями и вопил.

- Ладно, ладно, – пробурчал Сашок, опуская малыша в гнездо. Птенец словно и не заметил исчезновения огромного человека и принялся пихаться с братьями и сёстрами – в биологическом поле древних ящеров Сашок понимал меньше, чем в византиеведении. Их родитель... родительница? У птиц не поймёшь, у них самцы тоже сидят на яйцах – опустил морду в гнездо, срыгнул, и дети накинулись на остатки пищи, больше похожие на огромные, почти жидкие погадки. Гадость несусветная, да и пахло так же.

Птеродактиль посмотрел на Сашка – и именно посмотрел, такой взгляд ни с чем не перепутаешь. Заклекотал. Интересно, его можно коснуться? Сашок не стал экспериментировать, хотя штука очевидно относилась к нему благосклонно.

Теперь он мог забрать шапку, варежки, куртку и пойти уже... домой?

Нет, это не дом. Но что-то типа.

За то время, пока Сашок согревал птенцов на пустыре, он успел забыть, как идти обратно, и ожидаемо заблудился. Люди в городе добрые, указывали дорогу к церкви; кто-то, мужик один, даже довёл. Слава Богу, что, хотя автобус с детьми уехал, Ольга Сергеевна осталась у храма – вместе с парой полицейских. Она

увидела Сашка и рванула к нему; такой злой он прежде её не видел. Но и не винил: он, конечно, сам накосячил.

- Саша! Слава Богу! Где ты был???

- Собаке помог, – пробурчал Сашок. Ложь так себе, но проверять никто не будет. – Беременная была...

- Саша, ну о чём ты думал! Почему у тебя куртка... Неважно! Всё, идём домой!

К церкви только-только подъехала скорая, и Сашок, вспомнив события сегодняшнего дня, ужаснулся. Так роженица там полсуток провела, что ли? На каменном полу?

Жесть какая...

- Ольг Сергеевна, а как там...

- Не сейчас!

- Родила, нет?

Ольга Сергеевна посмотрела на Сашка. Всё же она не могла долго на него сердиться; Сашок пока не знал слов «социальный капитал», но всё же мог чувствовать, что они значат. Она вздохнула и сказала:

- Родила. Пятеро. Маленькие, как котятка полезли. – И вдруг сконфузилась самой себя: – Саш, ну как тебе не стыдно! Ты не понимаешь, что с тобой что угодно могло случиться?!

«Пятеро, – думал тем временем Сашок. – И там пятеро. Забавно»

Почему-то ему не было ни стыдно, ни грустно; разве что чуть-чуть виновато перед Ольгой Сергеевной, которая, конечно же, не должна была страдать от его исчезновения.

Ну, ладно, он по делу. Правда по делу.

Хорошо, что родила. Счастливое Рождество.

...а вот Обрезание Господне уже не очень.

Почему не было сирены? Система оповещения и раньше не была хорошо отлажена, на что жаловались абсолютно все – и жители, и военкоры, и волонтеры, и кто только не, но, по крайней мере, хотя бы работала сирена. Смс могли не прийти, радио – не сработать, а вот сирена фигачила безукоризненно.

Но сегодня её не было.

Они даже не успели собраться: потолок просто начал падать. Крики не слились в один: как раз в том и проблема, их слишком много, и не получается не то что разговаривать, командовать, решать проблемы, но и просто думать. Всё время звуки отвлекали...

Ну взрывов, конечно, в первую очередь.

На верхних этажах никто не жил – как раз стратегически именно для этих случаев; так что у них были в запасе считанные секунды на натягивание штанов и быстрого босого перемещения на первый, чтобы оттуда добежать быстренько до бомбоубежища. До войны Сашок не очень понимал, что двадцать метров – это очень много; сейчас, конечно, двадцать метров по ощущениям как двадцать километров ощущались.

Но он же даже ещё дотуда не добежал. Вообще не до куда.

Пацаны шустро скользнули в дверь, а Ярик, дурак, сидел. Просто сидел. Обычно с ним такого не бывало, но – тогда и ситуации другие были: сирена, или смс, или что ещё – не внезапный взрыв. У них у всех на это были какие-то реакции

– и только Сашок чудом обошёлся без ПТСР-ных приколов. Точнее, они сильно, сильно другие...

Хм, видения птеродактиля?

Сашок схватил Ярика за шиворот футболки с какой-то там командой и просто потащил. Ярик не вставал на ноги, всё тело напряглось, руки-сосиски, ноги тоже сосиски, и вообще это тело сорок килограмм неподвижных тяжёлых сосисок. А Сашок не был настолько могучим.

- Вставай, ты, блин! – Сашок зарядил мощную пощёчину; Господи, прости, но проблему надо решать прямо сейчас и быстро. – Пошли! Пошли!

От следующей волны лопнули стёкла. Ярик сполз на пол рана ноги; он заскулил, зажал уши, и свернулся в точку.

Сашок беспомощно замотал головой; вот как бы сейчас были нужны взрослые! Но они бегут, бегут, они не могут сразу всех поднять. Наверняка рыдают девочки. Наверняка кто-то из малышей спрятался и орёт от нечеловеческого ужаса. Наверняка приходится выковыривать кого-то ещё...

Так что пока надо действовать самим. Пусть даже уши заложило.

- Яр. – Сашок с трудом попытался его поднять. Не получилось. – Пошли...

- Прости! – заорал тот, и голос глух во взрывах. – Прости!!! Прости!!!

- Да хорош орать!

- Прости!..

«За что прости-то? – запоздало подумал Сашок. – Это про билеты, что ли? Вспомнил...»

И Сашок выругался. Бог поймёт, сейчас ему худо. Потом исповедует, извинится, причастится... может, постится будет, если совсем не забудет. Но сейчас правда не до этого.

Сорок килограмм на сорок килограмм, конечно, не поднимешь.

Странная реакция на падающие осколки от бывшего потолка: Сашок отлетел. Не был придавлен бетонным блоком, не получил по башке, не наткнулся на арматуру, а просто отлетел, как в мультиках а-ля Дикий Койот. Ноги выше головы, все в крови и стекле, попа... кажется, тоже в стекле, но не сильно, голову амортизировала отлетевшая и взорвавшаяся подушка – в общем, живой.

Странно. Так не должно быть.

Над ним стоял птеродактиль. Тот самый, дружок его. Или подруга: она ж на яйцах сидела, может быть, девочка. Но почему-то Сашку казалось, что это мальчик.

Он стоял, раскинув кожистые, в цветных перьевых отростках крылья. Бетонные осколки не касались его, гребень сверкал надувшимся красным цветом, а голова сверкала, сверкала, как не должна ни у одного живого существа.

Впрочем, какое он живое существо. Он птеродактиль, они мертвы все давно.

А он-то, он-то жив?

Ну... да? Слышать слышит, чувствовать чувствует. Значит, живой.

Хотя кто его, посмертие, знает. Ни у кого же не спросишь. Ни у святых, ни у па с ма, ни у птеродактиля.

- Ярик, – загорелось в голове у Сашка. – Пусти, там Ярик...

Птеродактиль смотрел огромным светлым глазом, почти размером с куриное лицо. Что он думал, о чём он думал? Думал же наверняка. Глаза как у собаки, там точно какие-то мысли в голове есть. Вот только какие...

Птеродактиль слегка повернулся, и Сашок неожиданно нервно всхлипнул.

Ярик был мёртв, но как бы не мёртв. Тело его раздавило нафиг, голову не расплющило, но виднелся мозг; а ещё он сидел, хлопал глазами над собой, и тёр побелевший от пыли нос. Самое смешное, что он был не один: к нему, грохоча кожаными пластинами, подходил по воздуху анкилозавр с огромной шипастой головой; такую, конечно, бетоном не пробьёшь. Ярик смотрел на него, анкилозавр на него. Подставил голову, и Ярик неуклюже погладил его. Будь такая возможность – Сашок сделал бы то же самое: наверное, это очень приятно. Такая холодная, но приятно шелушащаяся крепкая кожа на большом черепе...

- Яр...

Ярик повернулся к Сашку. Он был растерянный, не очень понимающий, что происходит. Никакого посмертного смирения, тихой радости или скорби, никакого блаженного покоя; в принципе, он выглядел примерно бы так же, как если бы просто получил по башке бетоном и встретил анкилозавра. Разве что без удивления.

- Яр...

Ярик неловко улыбнулся, взмахнул рукой и встал. Какая же у него чудовищно грязная одежда: в остатках от бетона, побелке, пыли... даже после смерти. И он даже не отряхнулся! Просто полез на своего анкилозавра через голову, и тот смиренно терпел кроссовок над своим глазом. Даже чуть-чуть помог, чем мог, слегка опустив голову.

А Сашку только и оставалось, что пучить на него светлые глаза и не мочь сделать ничего.

Ярик взобрался, и теперь выглядел как герой приключенческого мультика. Наверное, крутой бы был: погонщик динозавров!!! И не рапторов, а огромных, бронированных, но славных и добродушных анкилозавров! Ярик в последний раз взглянул на Сашку, проблеял нечто вроде «прости меня», и анкилозавр тронулся. Он с трудом развернулся в разбомблённой комнате и пошёл по воздуху вниз.

Тут Сашок уже не мог выдержать. Он встал, и его птеродактиль совсем не мешал ему это делать. Лишь запрыгал вслед за ним, как дурацкая птица, не помогая себе крыльями. Сашок приблизился к краю; он понял, что, хотя бомбы продолжают падать, он совсем не слышит звуков и не чувствует ударных волн. Возможно потому, что оглох или контузило; а, возможно, ему все это чудится, грезится, всё это понарошку, не по-настоящему, галлюцинации от удара. Какая разница?

Другое дело, что, несмотря на странность происходящего внизу, всё, что он видел, было настоящей правдой.

Внизу страдали динозавры. Они шли, медленно, кто-то, впрочем, бежал, перетаскивая в зубах и на себе тела, кто-то прятался, прикрывая собой людей. Людей не рассмотришь, хотя Сашок знал: они там, внизу, они никуда не делись, они тоже кричат или бьются в контузии (если не добрались до бомбоубежища). ПВО срабатывали, но вот как раз людей, стоящих за ними, Сашок не чувствовал: он видел лишь стада различных динозавров и доисторических существ, не привязанных к единому десятилетию: тут были и хохлатые велоцирапторы, и цинодонты, и даже огромные тирексы – бессмысленные и жалкие посреди взрывов, валяющиеся от попадания.

- Это так было у вас? – тихо спросил Сашок. – Это так было?

Птеродактиль не ответил. Только смотрел умным взглядом, в котором толком и не поймёшь, осмысляет ли он содержание слов Сашка или нет, не получается.

Сашок не мог сказать уверенно, сколько это продолжалось. Он внезапно почувствовал себя маленьким, очень-очень маленьким, на свой возраст или даже меньше, хотя обычно у него такого ощущения не было. Его впервые пронзила острая боль, что это как-то странно – стоять тут, смотреть на всё это, и не иметь рядом папы и мамы. Они должны быть тут. Какие у них были динозавры? Почему их не спасли? Или они умерли раньше, спасая от всего остального, а потом просто смиренно проводили до Рая?

Почему их нет рядом?..

Птеродактиль рядом успокаивал. Он не обнимал, но прижимался огромной головой, давая приятную твёрдость, на которую можно опереться; без неё Сашок бы распластался и стёк по разрушенной стене вниз.

Он маленький. Он же очень маленький.

Он не может с этим ничего сделать. Даже такие гиганты, как динозавры, ничего не могли сделать, а он-то что.

Птеродактиль на локтях подполз к дыре, оттолкнулся лапами и взлетел. От каждого взмаха крыльев он становился всё больше и больше, перья – всё ярче и ярче, а сияние вокруг головы с красным гребнем становилось всё ярче.

Солнца не было, но были эти круглые ореолы вокруг морд всех-всех-всех доисторических чудищ, что летали, ползали, бежали, прятались, стояли внизу.

Они кричали. И крик этот был не только криком боли, страдания и скорби, но и криком веры и поддержки.

И Сашок тоже закричал.

Он только потом понял, что всё это время лежал заваленный – но вполне живой. В панике включилась клаустрофобия, но внутренних сил хватало её заглушить и просто разрыдаться, стараясь по минимуму тратить воздух. Нога очевидно сломана, но больше потерь нет.

Изнутри немного получилось сдвинуть-скинуть несколько обломков, обеспечив приток воздуха и возможность подать о себе знак, но выбраться всё равно было нереально. Он лежал, как будто заботливо укутанный крыльями птеродактиля – только всё давило на него и не представлялось никакой возможности ползти вверх самостоятельно. Ужасно хотелось пить и писать.

Если в ближайшие два часа его не вытащат, то придётся худо. Смущает, конечно, но Сашок знал, что и взрослых мужчин в таком состоянии доставали, и после бомбёжки ничего постыдного в этом нет. Просто... для себя неловко.

Спасатели появились оперативно. Обломки разгребали руками, но аккуратно, стараясь не повредить лежащего внизу ребёнка; Сашок терпел – за это время выучился хорошо. Просто не шевелишься, никому не мешаешься, слушаешь с первого раза – это единственный способ выжить. Ярик этого не делал, и вот...

Нет, нехорошо так. Получается, что Сашок его обвиняет, а он не хочет, совсем не хочет. Нет никакой вины Яра в том, что произошло.

Были всякие разговоры, которые Сашок не хотел слушать, но приходилось; в какой-то момент спасателей пытались увести другие взрослые, но они в итоге нарушили приказ и таки докопали до Сашка. Крепкие, невидимые под толстой спецовкой и перчатками руки подняли его, так аккуратно, насколько могли; его тащили вчетвером вниз, до пункта медпомощи. Яра не было видно; может, вытащили уже. Сашок заплетающимся языком сказал, что он умер; ну, все всё поняли без него.

Пока на ногу накладывали шину, Сашок пытался сфокусировать мутноватый расплывающийся взгляд и выцеплял то поседевшую Зеру Хабибовну, то знакомых родителей, Виктор Палыча и жену (по батюшке забыл как); и что они тут делали? Как так быстро добрались? Или получилось не очень быстро, и он непонятно сколько пролежал?

У него есть шанс быть усыновлённым, всё к тому идёт. А у других ребят такой шанс есть не у всех.

Несправедливо это. Вот бы схватить оравой, раздать каждому, кто может их увезти куда-то подальше, и защитить, окружить заботой, не стараясь заменить ушедших родителей, но давая то, что каждый из них потерял. Но ведь нельзя так. Не получится. Так не бывает.

Птероангел расправил над Сашком крылья, и Сашок мысленно благодарил Бога. Скорее, потому что было надо, а не потому что чувствовал, что у него есть внутренние силы на молитву. Он не сердился на Бога, просто... ну а что тут скажешь? За что благодарить? Он не виноват, что Ярик умер, но Ярик умер. И десятки других умерли и пострадали. И динозавры тоже.

Он не виноват, но радоваться Его благости сейчас просто неправильно.

Хотя именно Он подарил Сашку его собственного ангела, который смог его защитить. Другим повезло меньше.

Жаль, книжки теперь похоронены и все испорчены. Уже не достанешь. Разве что археологами, но ведь их потом читать же будет нельзя.

Какая-то ласковая рука держала мягко ладонь Сашка, когда тот наконец закрыл глаза, чтобы чуть-чуть поспать – всё равно сил ни на что другое нет. Ему нравилось думать, что это мама – хотя мама, конечно, сейчас мертва и похоронена отдельно от папы на участке, где ещё оставалось свободное место (как раз под неё). Без памятника, но с металлическим гнутым крестом.

Сейчас он поспит, восстановится и потом... неясно что будет. Но что-то хорошее точно.

Хотелось бы верить.